
T. B. Станюкович

К истории комплектования восточнославянского фонда МАЭ

Коллекции, характеризующие культуру и быт восточнославянских народов, вплоть до конца XIX в. насчитывались в академических музеях единицами. Это объяснялось тем, что, хотя с конца XVII в. отдельные отечественные историки, а в XVIII в. и комплексные академические экспедиции производили сбор полевых материалов по культуре и быту отечественных народов, широкий интерес к культуре восточнославянских народов возникает лишь в конце XVIII в.¹ К этому времени относится появление первых сборников фольклорных материалов,² первых описаний быта русского крестьянства в русской обличительной литературе,³ а также первые опыты научного описания некоторых восточнославянских групп (в частности, казачества)⁴ в отечественной научной литературе. В целом же материальный быт восточнославянских народов еще длительное время остается вне сферы научного исследования.

Коренной сдвиг в этом направлении происходит во второй половине XIX в. в связи с деятельностью Этнографического отделения Русского географического общества. В Программе РГО (1850) подчеркивалась необходимость срочного этнографического изучения отечества и сбора полевых и вещественных материалов. В ней же особо оговаривалась ценность данных по различным аспектам не только духовного, но и материального быта восточнославянских народов, изучение которых Академией наук до тех пор недооценивалось.⁵

Обвинение это не было голословным. Отечественная этнографическая наука в процессе своего формирования лишь постепенно приходит к мысли о ценности для этнографического исследования всех народов вне зависимости от уровня их культуры. Первоначально интерес отечественных ученых сосредоточивается на зарубежных «экзотических» народах (начало XVIII в.), затем на «инородческом» населении России (XVIII—XIX вв.) и его «диковинной» культуре и лишь в конце XVIII в. — на некоторых сторонах духовной культуры восточных славян.

¹ См.: Косвен М. О. Из истории русской исторической науки XVIII века. Научно-организационная деятельность В. Н. Татищева. — История СССР, 1961, № 3, с. 160—165; Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966, с. 111 и далее.

² Об этом подробнее см.: Азадовский М. К. История русской фольклористики, т. 1. М.—Л., 1958.

³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790.

⁴ Георги Н. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, ч. I—III. СПб., 1776—1777.

⁵ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности русской. — Зап. РГО, СПб., 1847, с. 61—115.

вян. Причина игнорирования многих народов и избирательности изучения отдельных сторон культуры и быта заключалась в незрелости этнографии как науки. Даже в середине XIX в. не только местные корреспонденты квалифицировали бытовую культуру своего народа как «обыкновенную» (см. ответы на анкету РГО: «крыша обыкновенная», «одежда обыкновенная» и т. д.), но и в представлении многих ученых культура «цивилизованных», в том числе и восточнославянских, народов (в особенности материальная) интереса для науки не представляла из-за отсутствия в ней якобы особой специфики.

Как правильно отмечал Д. К. Зеленин еще в 1914 г., ученые «до самого последнего времени совершенно почти пренебрегали вопросами о внешнем быте русского народа, сосредоточив главное свое внимание на народной словесности».⁶

Вплоть до конца XIX в. в МАЭ насчитывалось всего лишь несколько десятков коллекций, собранных у русских и украинцев,⁷ и единичные предметы быта белорусов. Однако и среди имеющихся экспонатов преобладали как бы экзотические, т. е. не вполне обычные для отечественного посетителя. К ним относились предметы архаического быта, давно уже исчезнувшие на коренной территории расселения этих народов, но сохранившиеся в отдаленных изолированных районах, главным образом у отдельных групп, обитающих в «инородческом» окружении на Крайнем Севере европейской части страны, в Сибири и т. д. (кол. № 388, 457, 475 и др.). Довольно значительные собрания по народным художественным промыслам (кол. № 73, 228, 374, 350, 369, 371 и др.) не составляли исключения. Большая часть предметов, входивших в них, была приобретена у социальной верхушки крестьянства и отличалась богатством, а иногда и вычурностью форм. Поэтому многие из этих собраний представляли больший интерес для искусствоведов, чем для этнографов. Культура же большинства населения, являющаяся основой этнографического изучения, еще длительное время оставалась вне сферы исследования.

К началу XX в. положение меняется. Деятельность возглавившего Музей в эти годы В. В. Радлова (1894—1918 гг.), организовавшего планомерное пополнение фондов, способствовала обогащению МАЭ восточнославянскими материалами.⁸ В конце XIX—начале XX в. организуется ряд экспедиций на Украину, в Белоруссию и главным образом на север европейской части России для сбора коллекций.⁹

В ряде случаев сбор материалов сопровождался фиксацией основных элементов материальной культуры, а также антропологических типов ее носителей путем зарисовок и фотографирования. Последний метод был для той эпохи новшеством. Наиболее активным сторонником использования в экспедиционных условиях новой для того времени техники становится С. М. Дудин; благодаря ему и было зафиксировано значительное число материалов по народной культуре и быту украинцев, изучением которых он непосредственно занимался.¹⁰ В 1894 г. С. М. Дудин обследует Полтавскую, Киевскую и Херсонскую губернии, где работает среди коренного населения с целью «собрать для академического

⁶ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива ИРГО, вып. 1. Пг., 1914, с. 7; см. также: Токарев С. А. История русской этнографии, с. 407—408.

⁷ Станюкович Т. В. Коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР. — Сб. МАЭ, Л., 1972, т. XXVII, с. 22.

⁸ Материалы для истории академических учреждений за 1899—1914 гг. Пг., 1915, с. 292 и др.

⁹ ЛО ААН, ф. 1, оп. 1А (1903), № 150, ОС, § 161.

¹⁰ Фонды МАЭ, кол. № 270, 1402.

музея этнографическую коллекцию из быта малорусского населения и составить этнографический альбом».¹¹ Из этой поездки он привозит коллекцию одежды и хозяйственной утвари украинцев и великолепное собрание украинской вышивки (кол. № 270, 5327).

Из коллекций по культуре и быту русского народа следует отметить собрание кружев известной коллекционерки М. К. Каблуковой-Горбуновой (кол. № 786), а также коллекцию заведующего естественно-исторической станцией на р. Печоре в с. Усть-Цильме А. В. Журавского, которая всесторонне освещает культуру и быт старожильческого населения Печорского края, сохранившего в своем хозяйстве и верованиях много архаических черт, уже не бытующих на основной территории расселения русских (кол. № 935, 1011, 1226, 1877 и др.). А. В. Журавский не только сам собирал для Музея коллекции, но и привлекал других. Благодаря его посредничеству от А. И. Рогачева, Д. Д. Травина и других лиц поступил ряд коллекций по культуре и быту русского населения северных районов европейской части страны.¹²

В числе собирателей, обогативших Музей, можно также назвать члена Археологического общества Н. И. Воробьева, собравшего коллекцию по культуре и быту населения Казанской губ. (кол. № 1178), инспектора Уржумского городского училища Рязанцева (предметы быта населения Уржумского уезда), студентов Д. Д. Руднева и Г. Д. Федорова (предметы быта из Орловской и Архангельской губ.), крестьян А. М. Сумарокова (Архангельская губ.), С. С. Усова (Тобольская губ.), М. Евдокимова (Вологодская губ.) и многих других.¹³

«Открытые листы» на право изучения и сбора материалов по русскому населению самых различных областей и районов получили в первом десятилетии XX в. многие корреспонденты Музея и некоторые художники. Паряду с работой, отвечавшей их собственным интересам, они подбирали коллекции для Музея, а с громоздких предметов заказывали модели, имея соответствующую инструкцию МАЭ. В числе собирателей были прикомандированный к Музею К. В. Щенников (приславший большую коллекцию образцов домотканых изделий из Вятской и Новгородской губерний, собрание орнаментов с Поволжья и др.), корреспондент МАЭ А. И. Кохановский, художник Н. А. Шабунин, от которых поступили прекрасная коллекция одежды русского населения Архангельской губ. (кол. № 893), образцы художественных изделий из металла (кол. № 894) и ряд других собраний (кол. № 974, 1154, 1155, 1164, 1173, 1181), художник П. С. Захаров, собравший в Архангельской и Олонецкой губерниях коллекцию вышивки (кол. № 2076) и ряд других экспонатов (кол. № 1746), скульптор В. И. Каменский, обследовавший Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую губернии и доставивший в Музей предметы быта (кол. № 1113), А. А. Куренной, изучавший по «Открытым листам» МАЭ Орловскую, Нижегородскую, Ярославскую и Вологодскую губернии (передал в фонды МАЭ зарисовки и фотографии этнографического характера), служащий Министерства путей сообщения В. Р. Апухтин, собравший коллекцию детских кукол из Орловской губ. (кол. № 790). Автор научно-популярных очерков и этнографических

¹¹ ЛО ААН, ф. 1, оп. 1А (1894), № 141, л. 250 (Протокол заседания Историко-филологического отделения Академии наук).

¹² Там же, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 49, л. 31 и об. (Письмо от 6.10.1906); ф. 1, оп. 1А (1905), № 152, л. 411 (Протокол заседания Историко-филологического отделения Академии наук).

¹³ ЛО ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 64, л. 145; № 66, л. 4; № 69, л. 116 и др.; ф. 1, оп. 1А (с 1912), № 159, л. 333 и об., 402 и об. и др. (Протоколы заседания Историко-филологического отделения Академии наук).

альбомов М. А. Круковский, объездивший многие области России, приобрел для МАЭ в Уфимской, Оренбургской и Олонецкой губерниях ряд коллекций (№ 504, 515, 1363, 1919, 2354). Кроме того, будучи фотографом-любителем, он систематически снабжал Музей фотоснимками. В фототеке МАЭ сохранилось свыше 700 фотографий, сделанных им по программе, составленной Музеем: типажи крестьян, рабочих и казаков; виды жилища, общественных и хозяйственных построек русского населения различных губерний, орудия труда, средства сообщения, утварь и многое другое. Особый интерес представляет заснятая им серия трудовых процессов: различные моменты молотьбы, жатвы, веяния зерновых; обдиривание льна; заготовка, нагрузка лыка (и плетеные изделия из него); шерстобитие; углежжение, выделка и обжиг кирпича, свалка руды; изготовление лодок, колес и многое другое (кол. № 1363, 1919).

Особенно ценные коллекции, характеризующие восточнославянское население, поступали от краеведов, из числа которых вышли такие крупные ученые, как Д. К. Зеленин, П. Н. Лупцов (Вятский край), А. Я. Ефименко (Поморье), М. Я. Феноменов и Б. А. Куфтин (Подмосковье) и др.¹⁴

Одним из учреждений, активно способствующих этому движению, был Музей антропологии и этнографии. Сотрудники его были тесно связаны с Центральным бюро краеведения (организовано в 1919 г.) и местными учреждениями. Особенно большая заслуга в этом принадлежала заведующему Славянским отделом и библиотекой МАЭ (с 1925 г.) Д. К. Зеленину. Он участвовал в руководстве работой этнографической секции Бюро, организации совместных с краеведами экспедиций, консультировал и снабжал краеведов научными программами и инструментами.¹⁵ Не случайно на первой же конференции научных обществ по изучению местного быта (Москва, 1921) доклад о ближайших задачах науки в деле изучения отечественных народов «Перспективный план работы по изучению генезиса культуры» сделал Д. К. Зеленин.¹⁶ Ему принадлежала и главная заслуга в подготовке славистов-этнографов (с. 1925 г.). Изучая историю материальной культуры, он много работал в музеях и сам занимался коллекционированием.

Именно Д. К. Зеленин вводит в практику сериальный подбор коллекционных материалов, в частности подбор орудий труда, головных уборов, одежду, обуви и т. д. Тщательное и разностороннее изучение (уже в кабинетных условиях) составляющих эти серии предметов (например, покрой каждого из элементов одежды, техника их изготовления) позволили ученому выявить и обосновать классификацию ряда элементов восточнославянской одежды (например, плетеной обуви, женских головных уборов) и впервые в истории русской этнографии наметить типовые комплексы одежды и жилища в целом.¹⁷ В настоящее время собрание Зеленина (насчитывающее свыше 300 предметов) хранится в фондах МАЭ (кол. № 3532, 6576 и др.).

¹⁴ Вишневский Б. Н. Работы Д. К. Зеленина по этнографии Прикамья и Урала. — В кн.: На Западном Урале. Пермь, 1956; Токарев С. А. История русской этнографии, с. 301—305.

¹⁵ ЛО ААН, ф. 208, оп. 1, № 102, л. 78 (Тезисы доклада «Краеведение и науки в СССР»); см. также: Ольденбург С. Ф. Культурная революция и задачи культурной работы. М.—Л., 1929, с. 54—58.

¹⁶ См.: Краеведение, 1923, № 1; 1924, № 3, с. 89—96; 1928, № 5, с. 258—276, и др.

¹⁷ Zelenin D. Russische (Ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927; см. также: Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных славян. — Slavia, Прага, 1926, № 2, с. 303—338; 1927, № 3, с. 535—556.

В послеоктябрьский период в работе Музея, а позже — основанного на его базе Института (1933 г.), кроме того, начинают принимать участие такие известные ученые, как знаток белорусов Е. Ф. Карский, специалист по классической филологии, историк религии и музеиного дела Е. Г. Кагаров, воспитанники этнографического отделения Ленинградского географического института и Университета Н. И. Гаген-Торн, Е. Э. Бломквист, Е. Р. Лепнер, Н. Н. Тихоницкая, М. Д. Торен и др. Благодаря этому сбор экспонатов для Музея из рук любителей переходит в руки этнографов-специалистов.

Состав собранных в советскую эпоху коллекций определяется направленностью научно-исследовательской работы Музея, а затем и Института этнографии. Помимо монографического описания восточнославянских народов в целом (например, белорусов — Е. Ф. Карский¹⁸ или русских — Д. К. Зеленин), большое внимание уделялось локальным группам русского и украинского народов.¹⁹ В числе коллекций прежде всего следует отметить собрания по культуре и быту русского населения Сибири (кол. № 388, 389, 457, 6280, собранные Г. М. Осокиным и Л. М. Сабуровой),²⁰ Средней Азии и Казахстана (кол. № 5815, 6368, 6520 — Е. Э. Бломквист и Т. В. Станюкович), Украины (Л. Н. Чижиковой), а также коллекции образцов художественного ткачества, вышивки, писанок и игрушек русского и украинского народа (кол. № 558, 5129, 6685, 6723, 6782, 6792), собранные Л. А. Динцесом, М. Д. Торен, Н. И. Лебедевой, А. А. Лебедевой, Г. С. Масловой, Я. Д. Грендыш и Н. П. Колпаковой.

В настоящее время основной фонд Музея по восточнославянским народам насчитывает свыше 6 тыс. вещевых экспонатов и несколько тысяч единиц иллюстративного материала (экспедиционные зарисовки и фотографии, рисунки, открытки, скульптуры этнографического характера и др.).

Основная масса их характеризует одежду, ткачество и другие промыслы, в том числе художественные, русского населения Архангельской, Вологодской, Горьковской, Кировской, Орловской, Рязанской, Тверской областей, а также отдельные стороны культуры и быта жителей Астраханской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Костромской, Куйбышевской, Кубанской, Ленинградской, Московской, Новгородской, Пензенской, Пермской, Псковской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ярославской областей.

Громадный интерес представляют коллекции по культуре и быту локальных групп русского населения Севера и Сибири, Алтая и Казахстана, Каракалпакии, Киргизии и ряда других районов Средней Азии. В их числе — уникальные собрания вышивки, входящей в различные коллекции, а также женских и девичьих головных уборов; богатейшие коллекции русских кружев, образцов тканей, игрушек, а также моделей

¹⁸ См. коллекцию Е. Ф. Карского (№ 3721) и других собирателей (№ 258, 265 и др.).

¹⁹ Динцес Л. А. 1) Русская глиняная игрушка. Л., 1936; 2) Историческая общность русского и украинского народного искусства. — СЭ, 1941, № 5; Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930; Сабурова Л. М. Русское население Приангарья. Л., 1967; см. также: Восточнославянский этнографический сборник. М.—Л., 1967; Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

²⁰ Описания некоторых из них и соответствующего им иллюстративного материала имеются в статьях Л. М. Сабуровой «Одежда русского населения Сибири» (Сб. МАЭ, Л., 1972, т. XXVIII, с. 99—140), А. А. Лебедевой «Одежда одной из локальных групп русского населения Забайкалья» (там же, с. 140—158).

сельскохозяйственных орудий и промышленного оборудования, выполненных руками мастеров, которые изготавливали и сами орудия.

Собрание по белорусам освещает некоторые стороны культуры и быта населения Волынской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской и Смоленской областей, в частности одежду конца XIX—начала XX в., домашнее ткачество, интерьер, орудия труда и средства передвижения.

Наибольший интерес из собраний по украинской культуре представляют коллекции из Закарпатья, собранные в 1946—1977 гг. и характеризующие традиционную, однако бытующую и по сей день женскую одежду и художественные промыслы, из собраний дореволюционного периода — коллекция национальной одежды Полтавской обл., а также изделия бытовавших там художественных промыслов (узорное ткачество, вышивка, керамика). Ряд интересных, но менее обильных коллекций отражает отдельные стороны культуры украинского населения Киевской, Херсонской, Подольской и Волынской областей.

В связи с тем что экспозиции МАЭ освещают главным образом культуру и быт зарубежных народов, восточнославянские коллекции экспонируются или в качестве сравнительного материала (экспозиции 1925, 1932 гг.), или как составная часть различных экспозиций и выставок (например, карпатские коллекции — в юбилейной экспозиции к 220- и 250-летию Академии наук 1945 и 1974 гг., в экспозиции Музея М. В. Ломоносова при составлении раздела, характеризующего культуру и быт населения родины великого ученого — Архангельской губ.), а также на различных выставках вне Музея. Кроме того, они широко используются как источниковедческая база советскими и зарубежными специалистами. Изучение коллекций способствовало созданию многих научных трудов. Среди них такие капитальные исследования, как серия «Народы мира», например соответствующие разделы статей «Русские», «Украинцы», «Белорусы» (том «Народы европейской части СССР», М., 1964), «Русское население Сибири» (том «Народы Сибири», М.—Л., 1962), «Русское, украинское и белорусское население Средней Азии и Казахстана» (том II — «Народы Средней Азии», М., 1963), а также «Историко-этнографический атлас „Русские“» (М.—Л., 1966), «Восточнославянский этнографический сборник» (М.—Л., 1956) и многое, многое другое. Широко использовались коллекции МАЭ и для иллюстрирования названных выше и многих других изданий.

Восточнославянский коллекционный фонд, в особенности дублеты, передаваемые им, способствовали созданию ряда новых музеев, например Музея этнографического факультета Географического института (а затем ЛГУ),²¹ Музея истории техники,²² Географического музея и др.²³

Однако этим не исчерпывается значение собирательской работы в области культуры и быта восточных славян. Следует отметить, что восточнославянские коллекции играют большую роль в сложившейся практике обмена научными материалами с зарубежными музеями. В обмен на восточнославянские материалы МАЭ получает коллекции по народам Австралии и Океании, Южной Америки и Африки.²⁴ Так, из

²¹ ЛО ААН, ф. 1, оп. 1А, № 166, § 50 (1919).

²² Там же, ф. 154, оп. 1, № 91.

²³ ЛГАОРСС, ф. 2556, оп. 3, № 13, л. 46 (1928).

²⁴ Отчеты МАЭ за 1894—1927 гг.; ЛО ААН, ф. 142, оп. 1 (до 1918), № 39, л. 17, 26, 29, 36; № 45, л. 3—10, 21, 98; № 51, л. 66; № 53, л. 168; № 56, л. 16, 90, 166; № 64, л. 234; № 65, л. 183; № 66, л. 407; № 69, л. 130 и др.; оп. 4 (1928), № 1, л. 4; № 3, л. 68 и др.

коллекций, собранных в 1907—1910 гг. в Архангельской губ. А. И. Журавским и Д. Д. Травиным и характеризующих интереснейшую группу русского населения, живущего в устье р. Печоры, Гамбургский этнографический музей получил свыше 170 предметов: орудия труда и предметы производственного быта, домашнюю посуду и утварь, предметы интерьера, комплекты мужской и женской одежды, детские игрушки, предметы ухода за ребенком, образцы изделий различных художественных ремесел и т. д.²⁵ В обмен на нее МАЭ получил ряд африканских и индонезийских собраний. Эта традиция продолжается и теперь.

В декабре 1977 г., например, А. А. Лебедевой (Москва) и А. И. Терюковым (Ленинград) при содействии сотрудников Государственного музея этнографии (Львов) Я. Д. Грэндыш и Н. И. Здорового на территории Львовской, Тернопольской, Черновицкой и Ивано-Франковской областей Украины было приобретено для обмена с Японией более 200 экспонатов. Значительную часть их составляют предметы одежды, мужской и женской, как праздничной, так и повседневной, из Ивано-Франковской и Львовской областей. Оттуда же привезены различные бытовые предметы: полотенца («рушники») разного назначения — «на образа», «на грядку», с тканым и вышитым орнаментом;²⁶ наволочки — «пипшивы»²⁷ на подушки с тканым орнаментом конца XIX в.; шерстяные пушистые «лижники» домотканые, праздничные домотканые узорные скатерти конца XIX в., разного рода сумки («бесаги»,²⁸ «тайстра»,²⁹ «дзобня»³⁰) и др. Многие предметы этой коллекции уже давно не бытуют и поэтому представляют интерес как уникальные. Сбор их сопровождался полевым обследованием населения перечисленных районов, причем собранные материалы зафиксированы в собирательских описях.

Таким образом, восточнославянский коллекционный фонд МАЭ, постоянно пополняемый и в наше время, с одной стороны, является вещественной базой, на которую опираются этнографические исследования, а с другой — вносит весомую лепту в обогащение коллекций по зарубежным народам, столь необходимых для экспозиций Музея антропологии и этнографии.

²⁵ См.: документы передач, приложенные к кол. № 1036 (список предметов, переданных в Гамбургский этнографический музей), № 1101 и др.

²⁶ Акт поступления № 1740 от 07.02.78. Собирательский список (далее: с. с.) № 41, 42, 93, 99, 117—121.

²⁷ С. с. № 87, 89—92, 98, 106—109.

²⁸ С. с. № 37, 43.

²⁹ С. с. № 47, 116.

³⁰ С. с. № 39.